

Регина
Дубовицкая:

С мужем мне повезло

Чем сильнее ругают «Аншлаг», называя его образчиком пошлости и безвкусицы, тем больше у него поклонников. Регина Дубовицкая за 18 лет существования программы на слухалась о себе всякого — и за смех без причины, и за традиционное свое обращение «Дорогие мои». Другая бы давно опустила руки, но только не она! Дубовицкая работает, пропадая то на съемках, то в монтажной, с утра до вечера и с вечера до утра. Семья уже не ропщет: муж-физик и даже внучка, первоклассница (кстати, тоже Регина), давно привыкли к такому распорядку. На первый взгляд она кажется женщиной очень серьезной, даже суровой. И в глаза смотрит не сразу, и проверяет, исполнила ли я ее просьбу не задавать по тысячному разу одни и те же вопросы...

«Сама смотрю только новости»

— Прежде всего, Регина Игоревна, хочу выразить вам свое восхищение: очень стойко переживаете все нападки...

— Восхищение не надо высказывать, потому что нападки я никак не переживаю. Вариант здесь один: либо переживать, либо работать. Я предпочитаю второе. А главное, если бы нападки шли со стороны зрителей, если бы они не смотрели «Аншлаг», тогда его надо было бы закрывать и делать что-то другое. А поскольку люди про-

грамму смотрят, значит, я свою задачу выполнила.

— Можно сказать, что сейчас «Аншлаг» переживает расцвет? Или он позади?

— Не думаю ни о расцвете, ни о закате, только одно знаю — если почувствую, что на этой ниве делать нечего, совершенно спокойно закрою «Аншлаг». Не в нем, в конце концов, смысл жизни. Но пока я этого не чувствую... Все дело в том, что те, кто нападает на «Аншлаг», забывают: юмористические передачи не призваны заменять учебник по литературе или букварь.

Моя задача очень простая: поднять настроение

человеку, который вернулся после тяжелой работы домой.

— А для вас есть на телевидении отдушина? Что смотрите, если хватает времени?

— Вы правильно сказали: «если хватает времени». Вы уйдете, а у меня начнется монтаж, и я буду сидеть тут до посинения... Но вообще стара-

не ушла с телевидения только по одной причине: мне было неловко показать, что ничего у меня не получилось.

Я пришла из очень сильной в профессиональном отношении радиоредакции. В тот момент это была единственная редакция на Всесоюзном радио, которая занималась сатирой и юмором. Конечно, никакой сатиры не было — только юмор. Но когда я пришла на радио, меня посадили за стол, за которым за много лет до меня сидел Владимир Войнович, а напротив стоял стол, за которым когда-то рабо-

жнему, мне нужно было уйти на телевидение.

Поэтому я написала заявление об уходе и скромную заявку на телепрограмму. По сути, предлагала то же самое, что делала на радио, но на телевизионный лад: передачу, где главные герои — артисты, в отличие от «Вокруг смеха», в которой участвовали в основном писатели-сатирики. С этой заявкой пришла по подземному переходу (он соединяет разные корпуса «Останкино». — *Ред.*) к главному редактору Литдрамы. Он прочитал, с ходу подписал и спросил, как мы будем решать вопрос моего перехода с начальством на радио. Я ответила, что начальство еще не знает, но наверняка уже готово.

Я много раз говорила, что в таких условиях, когда на телевидении все можно, а на радио ничего нельзя, работать невозможно. Так и получилось, перешла я очень просто, никто за меня не просил. Но на тот момент и говорить не надо было: кто занимался эстрадой на радио и телевидении, фамилию мою знал, поскольку я много лет уже делала центральные передачи. Все трудности начались потом.

— Убедились за эти годы в правдивости суждений о телевидении как о террариуме единомышленников?

— Не могу вам про телевизионный мир ничего сказать. Я ведь не являюсь сотрудником телевидения — работаю в культурном фонде «Артэс», и телевидение у нас просто покупает передачу.

— Предполагали, что ваш проект так надолго?

— Я вот сейчас думаю: «Регина, ты, когда в 87-м году это дело начинала, о чем вообще думала?» Я даже не помню, о чем. Честно говоря, первые два года у меня в таком тумане... я ничего не помню. Недавно у нас был концерт, подошел ко мне один исполнитель и говорит: «Помните, как я к вам пришел в «Останкино» и мы пили с вами кофе?» А я не то что кофе, я и его-то не помню. А ведь у меня на лица отличная память. Оказалось, он приходил ко мне в 87-м году. Значит, первые два года стерты из памяти.

«Не хотела, чтобы Евдокимов уходил в политику»

— Наблюдаешь телеотчеты о ваших поездках по России: зрители чуть не на деревьях висят. Всегда так?

— Для этого не надо даже в другой город ехать — достаточно отъехать 50 км от Москвы. Москва — один мир, а вся наша огромная страна — другой. И для жителей этой большой страны приезд стольких известных артистов — невероятное событие.

Окончание на стр. 19

фото Андрея Струнина

За 18 лет работы на телевидении Регина Дубовицкая накопила немалый багаж

юсь смотреть любые новостные передачи. Из них я получаю информацию, а все остальное могу и в книге прочитать.

Вот опять же — всякий раз, когда возникают эти нападки, я думаю: «Господи, да о чем тут говорить? Вы сделайте так, чтобы люди читали нормальные книги». Это не я должна делать — это жизнь должна быть такая у людей, чтобы им хотелось открыть книгу. Их надо с детского сада приучать к большой литературе — то, что в свое время делалось, а сейчас нет.

— И к чему вас приучили?

— У меня есть несколько авторов, которых я могу перечитывать бесконечное количество раз: Бунин, Гоголь, Чехов и Куприн.

«Только через полгода узнала о гримерах»

— Проясним такой вопрос: с одной стороны, председатель Гостелерадио благоволил к вам и позволял больше, чем мог позволить по должности...

— Не-е-ет! Сергей Георгиевич Лапин, пока я работала на радио, позволял мне ровно столько, сколько мог позволить

— и ни на грамм больше. Но он хорошо знал, что есть праздничные программы «С добрым утром!» и что надо дать чайнику выпустить пар. Поскольку многие праздничные выпуски делала я, он этот пар мне выпустить разрешал.

— ...с другой — вы как-то сказали, что вам в начале телекарьеры пришлось испытать много унижений.

— Никаких унижений я не переживала! Если бы я почувствовала унижение, я бы в тот же день вернулась и ушла. Трудности были... Вообще, я

тал Марк Розовский. Эта особенная атмосфера существовала в редакции и до моего прихода, и пока я работала, и после моего увольнения. Там закуска была потрясающая: люди умели и знали работу. Самое главное, я могла подойти к редактору и сказать, что у меня что-то не получается, попросить подсказать. И если у него была идея, он со мной ею делился.

На ТВ я тоже спрашивала, и мне совершенно обстоятельно рассказывали, как надо сделать. Прошло полгода, пока я поняла, что на самом-то деле они мало что знают — только пьют кофе, курят и рассуждают. Наверняка и здесь были профессионалы, но мне они как-то не встретились.

Могу рассказать самый парадоксальный факт: я где-то только через полгода после своего прихода на телевидение узнала, что для ведущих существуют гримеры. Никто мне не говорил. Я понимала, что актеров гримируют, но что ведущих...

— Вас кто-то вел на телевидении?

— Да зачем меня вести-то было? Поступила я на ТВ очень просто, в 1987 году. Хотя до сих пор считаю, что на радио работать сложнее и интереснее, чем на телевидении: там вы должны донести все до слушателя путем, извините, болтологии. А на ТВ картинка есть. Но на радио в 1987 году существовала жесточайшая цензура, а на телевидении ее уже не было.

До того параллельно с моей передачей существовала телепрограмма «Вокруг смеха», но премьера большинства номеров проходила у меня на радио, и только потом артисты несли материал через дорогу — на телевидение. А когда цензуры там не стало, они предпочитали с премьерными номерами выступать в телепередачах. У меня выбора не было: если я хотела продолжать работать по-пре-